

Клуб «У двух ключей»

На днях в Ростове прошли гастрольные выступления народной артистки СССР К. И. Шульженко.

Эти медленные танго и элегантные фокстроты довоенной поры, песни с чуть-чуть наивными, но такими простыми и теплыми словами, и голос, и манера держаться на сцене — нет, второй Шульженко не было и нет! Каждый певец может быть интересен своему — но как много стало их, сиюминутных, быстро падающих звезд. Шульженко не из этого, летящего созвездия.

— Клавдия Ивановна, чем вы занимались до того, как стали петь на сцене? — Пела.

Мы жили на Украине. Папа с мамой уйдут, а я одна дома — открою окно — небо высокое, воздух голубой, цветение вишен... И пою. Народ соберется, не расхочется: «Давай еще!». И я еще пою.

А потом пошла в театр к Николаю Николаевичу Синельникову в Харькове. На дверях еще вывеска была «для господ артистов». Шесть раз обошла вокруг театра, прежде чем открыть эту дверь. Швейцар спрашивает: «Чего тебе, девочка?». К артистам, говорю, пришла. Он добрый был человек, ну и провел меня прямо к Синельникову, у которого много народу в тот день было.

— Что ты умеешь? — спросили меня.

— Все! — отвечаю. Они рассмеялись. Сейчас я, конечно, поражаюсь своей тогдашней уверенности.

— Дуня, — попросил Николай Николаевич, — подойди к роялю.

И Дунаевский стал мне аккомпанировать. И я стала петь — «По старой калужской дорожке...». Была такая песня. И меня взяли в театр.

— В годы войны, можно сказать не преувеличивая, вы были в рядах сражающейся армии.

— Все мы сразу надели военную форму. Но меня просили солдаты выступать в обыкновенном платье, так же, как до войны. Понятно, им хотелось, чтобы что-то напоминало о доме, о мирной жизни.

Война все перевернула. В тот день, когда Левитан по радио объявил о ее начале, наш театр был на гастролях в Ереване. Мы рвались обратно, домой, и успели на последний тбилисский поезд. Я не находила себе места — сын, Гошка, с Катей, дочерью Райкина, был в Харькове на даче. Разыскиваю по телефонам Райкина, прошу помочь. Аркадий ответил из Днепрпетровска — все в порядке, детей вывезли!

А война шла, и отцы оставляли детей и уходили на фронт, под пули.

...Да, война шла. И вместе с теми, кто был под пулями на фронте, была Клавдия Шульженко.

Гремела орудийная канонада, падали в пике истребители, рвались бомбы, а голос ее звучал:

«Лолите восемнадцать лет, такой красавицы — брюнетки вокруг и не было и нет. Все влюблены в нее без меры, и серенады кабальеро

поют с гитарой под окном, и все поют ей об одном...».

Траки танков рублежали нашу землю, рота за ротой шли солдаты врага в мышиных мундирах, а голос ее звучал:

«Как хорошо сидеть у огонька, когда в руке лежит твоя рука, когда глаза глядят в твои глаза, когда навеки развеяна гроза...».

— Ко мне подошел лейтенант Максимов, — продолжила разговор Клавдия Ивановна, — я не знала его раньше, не знаю его судьбу и после этой встречи, которую запомнила все-таки навсегда. Это был обыкновенный военный лейтенант. Ничем, наверно, непримечательный по вне-

«Майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои...».

— Клавдия Ивановна, понятно, что артистов оберегали, но война есть война...

— Только закончилось выступление, я пошла за кулисы, началась бомбежка. Ничего не успела сообщить, только увидела, как на меня надвинулась стенка и обрушилась. Потом слышу голоса — «Вы живы?», и разгребают кирпичи.

— Жива! Впрочем, я не скажу об этом концерте, как о самом запомнившемся. Самым боевым и самым радостным был другой. Мы выступали в Ленинграде, в Выборгском Доме культуры. В этот

Автограф для вас

„... И МЕЖДУ СТРОЧЕК“

На вопросы корреспондента «Комсомольца» отвечает на-

родная артистка СССР Клавдия ШУЛЬЖЕНКО.

шности. Но он подошел ко мне и подарил «Синий платочек»... Он написал новый вариант этой старой песни, я в тот же день выучила ее, а вечером уже исполняла...».

...«Синий платочек» Шульженко звучал во фронтовых госпиталях, на передовой под открытым небом, и позже, уже в наши дни, с неизменным успехом — в отличных концертных залах.

Дворец спорта, где проходило выступление Клавдии Ивановны, был забит молодежью. Но были среди зрителей и те, чей возраст, какое-то особое выражение лица, седина, выдавали людей, носивших в сороковые то ли солдатские шинели, то ли «кубари» в петлицах. Их было немного, но их нельзя было не заметить. Зал был затенен, но на лицах их ясно читалась вся гамма переживаний, волнение, воспоминание.

И мне подумалось, как ни парадоксально, но очень нужны им были там, в окопах и наступающих пеплах, и этот незамысловатый мотив о Лолите, звучавший еще на довоенных танцверандах, и слова о глазах, которые глядят в глаза, и «синий платочек». Им нужно было все, что связывало с работой, отдыхом, друзьями, со страной, с каждым их прошедшим днем. И еще подумалось, что песни Шульженко — обоймы, и что как много израсходовала она их, пока не подошла очередь той, знаменитой —

день закончилась война. Концерт специально для одних военных. Успех был потрясающим! Так и просилось на язык — «и в воздух чепчики бросали!»... Но чепчиков, конечно, не было, не было и цветов. Были сплошные пилотки — и они летели на сцену! Пожалуй, единственный в жизни концерт, где приветствовали таким образом.

— Клавдия Ивановна, как сложилась судьба сына, которого вы чуть не потеряли в начале войны?

— Вырос, живет, работает.

У меня три внучки и есть даже правнучка. Наташеньке четыре года, а от рояля уже не оторвешь. Сказку о царе Салтане наизусть знает — какие-то атомные дети пошли сейчас. Я их так и называю, — атомные.

— Клавдия Ивановна, несколько лет назад я слушал вас на импровизированной сцене, устроенной прямо среди берез в уральской тайге, когда вы выступали перед строителями Всесоюзной ударной, вы пели, пожалуй, в сотне городов страны. Ваши впечатления от Ростова?

— Я рада встрече с ростовчанами. Это мое первое выступление после трехмесячной болезни сердца. И, кажется, бодрости прибавилось! Думаю, что, еще не раз встречу с вами и привезу сюда новую программу, которую посвящаю 60-летию комсомола.

Интервью вел А. ЛЕЗВИН.

Мелко Вам всем
здоровья и счастья
в труде и в личной жизни
Клавдия Шульженко